

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Выяснивъ на примѣрѣ Франціи эпохи шестидесятыхъ годовъ, какъ подготавливается пораженіе, капитанъ А. Тарлэ въ «Journal des Sciences militaires» развиваетъ противоположную мысль—какъ Германія подготавливаетъ войну.

Встрѣча побѣжденныхъ съ побѣдителями на полѣ Седанскаго сраженія великолѣпно описана Мельхіоромъ-де-Вогюэ. Ночью, мимо германскихъ биваковъ, ведутъ полки французскихъ плѣнныхъ, и передъ ними сотни тысячъ голосовъ сливаются въ одинъ, исполняя вечернюю молитву. Хораль Лютера звучалъ со всего горизонта, занятаго вѣмцами. Передъ усталыми и разрозненными на многія политическія партіи французами какъ бы всталъ народъ, говорившій однимъ голосомъ. Несмотря на предшествовавшія сильныя впечатлѣнія, плѣнные вновь содрогнулись и поддались жуткому впечатлѣнію: не сотни пушекъ, опоясавшихъ Седанъ, и не массы пѣхоты одолѣли Францію, а коллективная душа этой арміи, религиозной и патріотичной, глубоко убѣжденной, что поддержка Всевышняго не оставитъ ряды войскъ престарѣлаго короля.

Тарлэ останавливается на могущественной поддержкѣ, которую официальная Германія получила со стороны выдающихся мыслителей и поэтовъ. Если Бисмаркъ, проводя военный законопроектъ въ 1863 г., твердымъ голосомъ заявилъ ландтагу, что домъ Гогенцолерновъ не уступитъ большинству палаты, такъ какъ прусскіе короли еще не выполнили своего предназначенія, то ему вторилъ Гегель, пропагандировавшій, что жизнь государства представляетъ большую цѣнность, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ лицъ.

Жестокій переломъ пережила Германія въ 1806 г., послѣ Иены, когда Фихте изъ космополита обратился въ горячаго патриота. Патриотическіе стихи Арндта до сихъ поръ сохраняются въ школьныхъ учебникахъ. «Тамъ, гдѣ рукопожатіе стоитъ клятвы, гдѣ вѣрностью искрятся глаза, гдѣ любовь царитъ въ сердцахъ, тамъ, мужественный германецъ—родина твоя». И черезъ строчку—бей французовъ. Эти мысли не завяли. Престарѣлый профессоръ военнаго искусства, Вагнеръ, помѣстилъ недавно въ офиціозной «Norddeutsche Allgem. Zeit.» призывъ къ оружію, къ борьбѣ, къ мужественной встрѣчѣ грозящихъ опасностей. Пусть колеблются женщины и плачутъ трусы. Горячую ненависть каждый обязанъ воспитать въ своемъ сердцѣ къ врагамъ отечества. Насъ бояться, и мы не рѣшимся! вмѣсто того, чтобы ударить нѣмецкимъ кулакомъ, когда дѣло идетъ объ отечествѣ? и т. д.

Въ Германіи наука характеризуется утилитаризмомъ, стремленіемъ къ немедленному практическому приложенію; это не цѣль, а средство. И наука широко использована для подготовки къ войнѣ. У Трейчке мы найдемъ мысль о томъ, что «божественное призваніе на лицо всюду, гдѣ представляется удобный случай напасть на сосѣда и раздвинуть свои границы». Ницше устанавливаетъ принципъ, что народъ гибнетъ, когда онъ свой долгъ смѣшиваетъ съ общимъ понятіемъ о долгѣ. Гансъ Дельбрюкъ по поводу поддѣлки Бисмаркомъ Эмской депеши пишетъ: «да будетъ благословенна рука, начертавшая эти строчки».

Преподаваніе въ начальныхъ школахъ исходитъ изъ установленнаго нѣмцами начала, что, не базируя преподаваніе на шовинизмѣ, слѣдуетъ, однако, подчеркивать, какіе сосѣди всегда нарушали миръ и еще его нарушатъ; ученикамъ нужно напомнить подвиги ихъ предковъ 1813 и 1870 гг. и подтвердить, что на ихъ долю также придется сражаться со старымъ врагомъ. Нужно, чтобы ученики знали не только исторію отечественной для нѣмцевъ войны 1813 г., но и похода 1870 г., такъ какъ будущая завоевательная война по характеру будетъ ближе къ послѣдней.

Исторія, преподаваемая въ начальныхъ школахъ—это повѣсть о цивилизаторской роли Германіи, окруженной злыми врагами, которые жгли нѣмецкіе города и грабили деревни; въ вознагражденіе за великую реформацію, за крупное идейное движеніе, во главѣ котораго стали нѣмцы съ Лютеромъ, лихіе люди громили ихъ землю неслыханнымъ образомъ 30 лѣтъ.

Образованіе фрейеровъ для пропаганды необходимости увеличенія арміи, чествованіе дней побѣдъ въ 1870 г., какъ національныхъ праздниковъ, проповѣдь пангерманистовъ, доходящихъ въ своемъ увлеченіи до требованія очистки состава нѣмецкаго народа

отъ лицъ не германской расы, глубокое уваженіе къ арміи, традиція, открывающая входъ ко двору простому подпоручику, тогда какъ къ гражданскимъ лицамъ относятся весьма разборчиво,—все это различные элементы германской подготовки къ побѣдѣ. Въ наброскахъ Тарлэ они живо мелькаютъ передъ нами, какъ грозные призраки, въ противовѣсъ легкомысленнымъ французскимъ выпадамъ о патріотическихкихъ игрушкахъ, объ отвратительности казарменной жизни, о безразличіи къ общественному дѣлу. Впрочемъ, послѣдніе годы вызвали и во Франціи рѣзкій поворотъ.

«Vierteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde» даетъ прекрасную статью генераль-маіора Фрейтагъ-Лорингофэна о недавно скончавшемся фельдмаршалѣ графѣ Шлиффенѣ, начальникѣ прусскаго генеральнаго штаба въ періодъ 1891—1905 гг. Хотя онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію офицеровъ, которыхъ война 1870 г. застала уже въ канитанскомъ чинѣ, графъ Шлиффенъ сдѣлалъ, по существу, мирную карьеру. Во время Мецской операціи онъ сторожилъ побережье Балтійскаго моря.

То, что мы считаемъ германской доктриной, въ сущности является ученіемъ графа Шлиффена, хотя и пустившимъ глубокіе корни за его 14-лѣтнюю работу во главѣ германскаго генеральнаго штаба, но, съ уходомъ графа Шлиффена, все болѣе становящимся достояніемъ исторіи, а въ жизни уступающимъ мѣсто болѣе умѣреннымъ взглядамъ его преемника. Шлиффенъ былъ страшно трудолюбивъ, въ противоположность Мольтке, не игралъ въ карты; однимъ изъ его созданий явилась тяжелая полевая артилерія и полевая гаубица, встрѣченныя чрезвычайно враждебно первоначально и въ Германіи, но затѣмъ появившіяся и въ другихъ арміяхъ.

Шлиффенъ не былъ фарисеемъ; въ молодости онъ любилъ повеселиться самъ, а подъ старость весьма снисходительно относился къ веселью молодыхъ офицеровъ. Въ работѣ онъ любилъ не ограничиваться докладами оберъ-квартирмейстеровъ, а входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ дѣлопроизводителями; иногда онъ приходилъ самъ за справками въ дѣлопроизводство и работалъ тамъ. Къ старости у него, однако, выработалось нѣсколько презрительное отношеніе къ людямъ, которое его біографъ стремится нѣсколько загладить. Въ оцѣнкѣ военной исторіи онъ крупно расходился съ Мольтке, умышленно сохранившимъ въ официальной исторіи войны 1870 г. цѣлый рядъ легендъ, разрушить которыя, съ патріотической точки зрѣнія Мольтке, было бы кощунственно. Шлиффенъ находилъ, что онъ болѣе свободенъ, чѣмъ его великій предшественникъ, въ разборѣ войны, такъ какъ главные дѣятели уже сошли въ могилу; между

тѣмъ армія, которая не относится критически къ своему боевому прошлому, а рисуетъ его исключительно розовыми красками, безъ промаха идетъ навстрѣчу новой Генѣ или Седану. Эти мысли въ подлинникѣ слѣдовало бы усвоить всѣмъ полковымъ историкамъ, которые вмѣсто того, чтобы облегчить работу историка войнъ, воздвигаютъ препятствія на пути правильной оцѣнки минувшаго. Не явилась ли, на примѣръ, ложная историческая разработка боя подъ Горнымъ Дубнякомъ одной изъ тѣхъ данныхъ, за которыя потомъ пришлось дорого расплачиваться?

Односторонность—эта слабость, присущая именно крупнымъ людямъ, въ высшей степени характерна для Шлиффена; онъ всегда уклонялся круто въ одномъ направленіи, давалъ схему—и одно время эта схема была неизбѣжной принадлежностью нѣмецкаго военного мышленія, которой даже завидовали сосѣди. Крупное его произведеніе, написанное имъ на восьмомъ десяткѣ лѣтъ жизни, Канны, представляетъ именно изслѣдованіе всей новѣйшей военной исторіи подъ угломъ зрѣнія необходимости охвата и даже окруженія во что бы то ни стало, цѣной какой угодно растяжки фронта; отсутствіе резерва ставится полководцу въ заслугу. Наполеонъ, который такъ часто накапливалъ резервы и рвалъ центръ, жестоко подчасъ критиковался Шлиффеномъ, который не останавливался въ прямолинейномъ приложеніи своей схемы ни передъ какимъ авторитетомъ.

Шлиффенъ былъ, несомнѣнно, крупный, смѣлый и оригинальный мыслитель. Какъ не сходенъ онъ съ другимъ крупнымъ писателемъ, фонъ-деръ-Гольцемъ, который воскурилъ фиміамъ принцу Фридриху-Карлу даже за бездѣйствіе его, вмѣсто преслѣдованія, послѣ первой побѣды надъ Луарской арміей, который никогда не давалъ схемы, а всегда балансировалъ между двумя противоположными идеями, который послѣ болгарскихъ побѣдъ писалъ о турецкой арміи прямо противоположное изложенному годомъ ранѣе мнѣнію!

Для русскаго читателя изученіе біографіи Шлиффена, затронутой здѣсь лишь вскользь, крайне интересно и потому, что позволяетъ заглянуть въ тайники работы прусскаго генеральнаго штаба, въ которыхъ складывается его всемірная репутация.

Въ томъ же журналѣ помѣщена статья барона Мэркенъ-цу-Гератъ о главнѣйшихъ европейскихъ кавалерійскихъ школахъ. Авторъ нѣсколько свысока относится къ нашей работѣ въ области кавалерійскаго спорта и полагаетъ нужнымъ упомянуть о ней только потому, что долгое время у насъ работалъ Филисъ. Въ привлеченіи къ намъ французскаго офицера на роль инструктора, въ успѣхъ пропаганды у насъ италянскаго системы ѣзды, авторъ видитъ основаніе

для утверждєнія, что объ единой русской доктринѣ ѣзды не можетъ быть и рѣчи.

Весьма любопытны всякому кавалеристу тѣ компетентныя характеристики, которыя авторъ даетъ французской, бельгійской, шведской, австрійской и итальянской офицерскимъ кавалерійскимъ школамъ. Въ каждой изъ нихъ имѣются свои плюсы. Въ ѣздѣ по мѣстности и въ прыжкахъ преимущество на сторонѣ итальянцевъ; легенда о томъ, что они пользуются особо подобранными лошадьми, отрицается. Свои головоломные спуски съ обрывовъ и прыжки черезъ неслыханныя препятствія итальянцы дѣлаютъ на обыкновенной ремонтной лошади всевозможныхъ породъ. Корень успѣха заключается не въ лошади, а въ выѣздкѣ и въ лихости ѣздоковъ. Итальянцы показали, что предѣлы силы лошади были до того неизвѣстны.

Не радуютъ автора англичане; эти истинные спортсмены отвергаютъ цирковые приемы обученія—тщательную выѣздку, прекрасно поставленную во Франціи, не гонятся за изяществомъ посадки. Климатъ Англїи позволяетъ носиться круглый годъ по полямъ; но полевая верховая лошадь знаетъ и черную, водовозную работу, которая уже составляетъ безусловное препятствіе для тонкостей ѣзды. Родина кровныхъ лошадей, спорта и въ частности стипль-чеза не признаетъ манежа...

Въ числѣ пожеланій автора статьи, помѣщенной въ органѣ прусскаго генеральнаго штаба, любопытно отмѣтить требованіе учрежденія, кромѣ сѣти школъ ѣзды для юныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, особой верховой академіи, въ которую бы командировались лишь особенно способные ѣздоки и которая служила бы рассадникомъ инструкторовъ для офицеровъ, и окончаніе которой давало бы тѣ же права и преимущества, какъ и окончаніе военной академіи... Именно стремленіе къ спортивному совершенству немногихъ, а не къ подъему средняго уровня искусства ѣзды въ кавалерїи, увлеченіе олимпійскими играми и международными состязаніями составляетъ слабое мѣсто автора: онъ, въ своихъ описаніяхъ кавалерійскихъ школъ, охотно идетъ на среднюю ремонтную лошадь, но въ среднемъ кавалерійскомъ офицерѣ видитъ серьезное препятствіе для процвѣтанія тонкостей искусства. Это чисто берейторская, но не военная точка зрѣнія.

Въ числѣ причинъ турецкихъ пораженій любопытны грѣхи турецкаго государства, указанные еще въ 1883 г. генераломъ Нюксъ; на нихъ ссылается генералъ Пала въ послѣднемъ выпускѣ «Journal des Sciences militaires». Каждый турокъ въ отдѣльности имѣлъ много существенныхъ добродѣтелей, которымъ могли только завидовать паразиты, жившіе въ Турціи за счетъ турокъ. Честный въ дѣ-

лахъ, надежный въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, турокъ часто на практикѣ доказываетъ свое великодушіе и порядочность. Но эти индивидуальныя черты исчезаютъ, если изучать не отдѣльныхъ лицъ, но народъ въ его цѣломъ. Административный безнорядокъ, отсутствіе правосудія и серьезнаго контроля, злоупотребленія бюрократіи, лживость въ дипломатическомъ отношеніи, восточный «авось», да еще на подкладкѣ религіознаго фанатизма—вотъ язвы общественной жизни Турціи. Отсюда неизбежность иностранцевъ во всякомъ предпріятіи въ Турціи. Идетъ ли вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги, дворца, закладкѣ копи, выдѣлкѣ пушекъ, или просто о веденіи бухгалтеріи торговаго дома—турокъ не можетъ довольствоваться своими соотечественниками, ему надо призвать на помощь иностранцевъ... Затѣмъ варяги призваны были въ армію...

Заканчивая свой этюдъ о Оракійскомъ походѣ, полковникъ Дебриеръ ставитъ въ вину болгарскому управленію лишь одно упущеніе—отсутствіе резерва въ сраженіи Люле-Бургасъ—Бунаръ-Гиссаръ. Это замѣчаніе важно потому, что многіе склонны во всемъ подражать побѣдителямъ, даже въ ихъ уклоненіяхъ отъ тактической истины, обусловленныхъ, вѣроятно, самыми почтенными мотивами. Такъ, многіе изъ того обстоятельства, что генералу Радко Дмитріеву пришлось въ самомъ началѣ сраженія выдвинуть 6-ю дивизію въ первую линію и остаться безъ всякаго резерва, дѣлаютъ выводъ, по опыту послѣдней войны, о ненужности резервовъ въ рукахъ полководца на современномъ полѣ сраженія. Между тѣмъ, болгарская армія, несмотря на всю доблесть и упорство, пережила крайне тяжелый кризисъ, который могъ окончиться и катастрофой, при нѣскольکو большемъ порядкѣ на сторонѣ турокъ. Во всякомъ случаѣ стратегическій резервъ—бригаду 3-й дивизіи, двинутую къ Бунаръ-Гиссару, пришлось импровизировать, и опытъ этого сраженія свидѣтельствуетъ, что импровизированнаго въ послѣднюю минуту резерва недостаточно для того, чтобы добиться подавляющаго успѣха. Несмотря на всю подверженность турецкой арміи паникѣ, уничтожить ее не удалось.

Въ «l'Illustration» помѣщенъ прекрасный и чисто французскій очеркъ академика Анри Лаведана «Остріе», основывающійся на книгѣ Этьена Роза «Офицеръ».

Эта книга посвящена памяти брата автора, Жака Роза, поручика 2-го полка спаговъ.

Въ 1907 г. авторъ получилъ телеграмму о смертельной ранѣ, полученной его братомъ въ бою съ племенемъ Бени-Снасентъ. Этьенъ Розъ отправился въ Марокко, чтобы привезти и похоронить въ род-

ной Франціи тѣло брата. Собралъ всѣ воспоминанія очевидцевъ о послѣдней лихой конной атакѣ брата, всѣ мелкія вещицы на память о немъ—разбитые и остановившіеся въ минуту смерти часы, окровавленную одежду, Розъ разрылъ свѣжую могилу. Фургонъ съ печальными останками повстрѣчался съ генераломъ Ліотэ, стоявшимъ во главѣ французскихъ войскъ. Ліотэ, знавшій убитаго офицера, высказался о немъ, какъ о выдающемся воинѣ. Розъ воспользовался случаемъ и просилъ Ліотэ розыскать саблю брата, держа которую обнаженной, онъ вврѣзался въ непріятельское расположеніе; эта сабля была бы безконечно дорога для него и для матери, старухи изъ Вандеи, стойчески принявшей извѣстіе о смерти сына за отечество; но мароканцы похитили саблю. Ліотэ далъ слово, что заставитъ непріятели отдать этотъ дорогой трофей.

Черезъ нѣсколько недѣль племя Бени-Снасень должно было смириться и, какъ непремѣнное условіе подчиненія, Ліотэ потребовалъ выдачи всѣхъ вещей поручика Розъ. Револьверъ, сѣдло и пальто были возвращены безпрекословно, но саблю они долго скрывали, какъ цѣнный трофей, увѣряя, что не нашли ее. Генераль Ліотэ прибѣгъ къ угрозамъ. Наконецъ, ему принесли исковерканный обломокъ; добраго куска конца клинка не хватало. Генераль Ліотэ съ той твердостью, которую можетъ себѣ позволить побѣдитель отъ поверженнаго врага, приказалъ представить ему и остріе. Арабскій старѣйшина доложилъ, что у нихъ нѣтъ острія, что оно осталось въ груди араба, похороненнаго гдѣ то у Уджы. Ліотэ повторилъ: «я хочу остріе». И арабы разрыли свою могилу, и на колѣняхъ поднесли заржавѣвшее въ черной крови остріе. Сабля изъ двухъ морально спаянныхъ кусковъ, сабля потерянная и вновь отбитая, теперь водворена во Францію, въ домъ крѣпкой французской семьи въ Турени. И во всякомъ большемъ дѣлѣ, когда замѣшаны патетическіе, острые, болѣзненные интересы, желѣзная фраза генерала Ліотэ, какъ девизъ, должна воскреснуть въ памяти: «La pointe! Il me faut la pointe. Je veux la pointe».

Подполковникъ Рагенау, заканчивая въ «Revue militaire générale» статью объ изученіи военнаго дѣла во Франціи и о подготовкѣ къ высшему командованію, развиваетъ горькую истину: всякій офицеръ генеральнаго штаба, въ тотъ моментъ, когда, оставивъ академическую скамью, онъ окунается въ жизнь какого-либо штаба, испытываетъ и разочарованіе, и сожалѣніе. Сожалѣніе—о той богатой интеллектуальной жизни, которою онъ дышалъ школьные годы, богатой не только разборомъ съ кафедры интересныхъ вопросовъ, но и обмѣномъ идей между товарищами, офицерами разныхъ родовъ войскъ,

въ числѣ коихъ много высоко одаренныхъ. Разочарованіе—потому что школьная подготовка имѣла въ виду исключительно подготовку къ войнѣ, а штабная служба мирнаго времени представляетъ совершенно отличныя требованія. Штабы разрабатываютъ массу вопросовъ, имѣющихъ самое отдаленное родство со службой въ полѣ. Отъ длинныхъ часовъ присутствія необходимо урвать время и для верховой ѣзды, и для самостоятельныхъ занятій по военному искусству, подъ угрозой потерять всякій обликъ подготовленнаго къ войнѣ офицера; сколькихъ талантливыхъ вождей жизнь передѣлала въ законченныхъ бюрократахъ, для которыхъ капканы приказовъ по военному вѣдомству не представляли никакихъ тайнъ!

Масса работы теряется въ штабахъ совершенно даромъ, вслѣдствіе крайне неэкономной іерархической организаціи дѣлопроизводства, которую ни одно частное предпріятіе никогда не допустило бы. Въ штабѣ корпуса, напримѣръ, вопросы, разрѣшаемые командиромъ корпуса, проходятъ черезъ начальника штаба, его помощника, начальника отдѣленія, прежде чѣмъ достигнуть разрабатывающаго ихъ первоисточника—капитана или поручика генеральнаго штаба. Тотъ же вопросъ послѣдовательно освѣщается съ пяти точекъ зрѣнія. И чѣмъ индивидуальность каждаго выражена ярче, чѣмъ больше души вкладываютъ эти офицеры въ разсмотрѣніе проходящихъ вопросовъ, тѣмъ больше шансовъ, что ихъ мнѣнія разойдутся, работа растрачивается на взаимную критику и перечеркиваніе, а рѣшеніе чаще всего является компромиссомъ, слѣдовательно, посредственнымъ. Не достаточно ли было бы одного офицера—для разработки вопроса, командира корпуса—для принятія важнѣйшихъ рѣшеній, и его начальника штаба—для рѣшеній второстепенной важности? А сколько теперь тратится времени на поиски такой гибкой редакціи, которая бы сочетала все разнообразіе мнѣній? Не переписывается ли теперь иное письмо въ штабахъ по четыре раза, тогда какъ опредѣленное указаніе, данное отвѣтственнымъ начальникомъ, спасло бы отъ этого расхищенія времени и силъ?

Мѣры, принятыя теперь во Франціи для дальнѣйшаго преуспѣванія офицеровъ окончившихъ академію, въ ихъ спеціальныхъ знаніяхъ, слѣдующія: переписку въ штабахъ стремятся переложить на нестроевыхъ офицеровъ; въ каждомъ штабѣ корпуса ведутся занятія ст. офицерами; разъ въ годъ начальники корпусныхъ штабовъ съѣзжаются для выработки обобщающихъ положеній; наконецъ, установленъ особый курсъ для выдающихся офицеровъ. Все это Рагенау признаетъ недостаточнымъ. Способность усвоенія, ассимиляціи—это чисто юношескій талантъ. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ зрѣетъ, онъ становится болѣе способнымъ приложить на практикѣ свои способности, все, что онъ приобрѣлъ жизненнымъ опытомъ—и

эта высокая практическая цѣнность работника сохраняется до тѣхъ поръ, пока онъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи не пойдетъ къ закату. Но приобретать новыя познанія ему физиологически становится трудно гораздо раньше. Тѣ подполковники и маіоры, приближающіеся уже къ пятидесятилѣтнему возрасту, которыхъ собираютъ на 6 мѣсяцевъ въ особый курсъ, уже мало способны и къ изученію военной исторіи, и къ теоретическому обученію—въ формѣ сообщеній; программа занятій разумно ограничивается чисто практическимъ, прикладнымъ характеромъ, работа ведется исключительно въ видѣ изученія конкретной обстановки. И такъ какъ каждый изъ этихъ пожившихъ уже офицеровъ имѣетъ свое собственное тактическое и стратегическое мировоззрѣніе, выкованное двадцатилѣтней самостоятельной работой послѣ окончанія академіи, то было бы слишкомъ самонадѣянно рассчитывать въ короткое время сгладить противорѣчія и создать среди нихъ единство взглядовъ. И такъ какъ этотъ курсъ не имѣетъ штатнаго состава руководителей, а представляетъ лишь періодически собирающійся центръ занятій, то, разумѣется, на этомъ курсѣ можно познакомиться со взглядами нѣсколькихъ высшихъ руководителей арміи, но двинуть изученіе стратегическихъ вопросовъ и создать стратегическую доктрину такой временный курсъ не въ состояніи.

Французскій генеральный штабъ, въ противовѣсъ прусскому, имѣетъ въ виду исключительно разработку теоретическихъ мѣропріятій и сохраняетъ чисто дѣловой характеръ; тотъ школьный характеръ, которымъ отмѣчена организація прусскаго большого генеральнаго штаба, вовсе отсутствуетъ во Франціи; подготовка къ высшему командованію игнорируется. Офицеръ, назначаемый въ оперативное дѣлопроизводство, не получаетъ никакой особенной стратегической подготовки, а ему нужны самыя широкія стратегическія познанія. Правда, теперь, передъ переводомъ въ *Etat-major de l'armée* (наше главное управленіе генеральнаго штаба) офицеры предварительно выдерживаютъ пробный испусъ причисленія. Однако, этотъ стажъ имѣетъ чисто канцелярскій характеръ. Онъ позволяетъ усвоить практику дѣлопроизводства; такъ въ конторѣ нотариуса или адвоката отбываютъ цензъ клеркомъ, чтобы изучить практику дѣла, но эта работа въ конторѣ не можетъ, конечно, замѣнить широкую юридическую подготовку. Такъ и въ оперативномъ отношеніи: канцелярскую часть вопросовъ сосредоточенія одолѣваютъ въ совершенствѣ, но эта канцелярія не возмѣститъ отсутствія стратегической подготовки. А между тѣмъ теперь даже генія Наполеона оказалось бы недостаточнымъ, чтобы распорядиться современной сложной машиной вооруженныхъ силъ, если бы у него не оказалось достаточнаго числа стратегически подготовленныхъ подчиненныхъ. Незнаніе стра-

теги ведетъ часто къ дѣтскимъ обобщеніямъ вопросовъ направленія усилія милліонныхъ армій—и, во всякомъ случаѣ, къ несовершеннымъ и натянутымъ рѣшеніямъ.

Трудность вопроса заключается въ томъ, что военное дѣло, съ стратегической точки зрѣнія, должно изучаться еще съ молодю; въ тоже время не только бесполезно, но и опасно направить способности и усилія значительной части офицеровъ къ изученію задачъ, которыхъ имъ никогда не придется разрѣшать; важнѣйшая опасность заключается въ томъ, что ихъ вниманіе къ вопросамъ гораздо болѣе ограниченнаго значенія, съ коими имъ придется повседневно имѣть дѣло, будетъ притуплено.

Правительство отвергло во Франціи созданіе въ академіи третьяго курса, на которомъ небольшая кучка лучшихъ по успѣхамъ офицеровъ работала бы въ области стратегіи, такъ какъ не пожелало создавать уже на школьной скамьѣ будущихъ полководцевъ. Но какой-то стратегическій закоулокъ въ генеральномъ штабѣ долженъ быть созданъ. Рагенау предлагаетъ создать какъ бы третій курсъ академіи на отлетѣ, для прохожденія его капитанами въ годъ, предшествующій производству въ штабъ-офицерскій чинъ.

Полный туманъ въ стратегіи тяжело отзывается и на тактикѣ, обуславливаетъ въ ней шатаніе, весьма замѣтное въ послѣдніе годы.

При одинаковомъ оружій, съ солдатами, одушевленными равнымъ чувствомъ долга, самопожертвованіемъ, окончательный успѣхъ будетъ вырванъ той стратегіей, начальники коей, въ интеллектуальномъ отношеніи, представляютъ болѣе крупную величину. Высшее командованіе должно быть подготовлено уже въ мирное время къ своей трудной задачѣ—такъ, по горькому опыту войны 1870 года, распространяется военный министръ въ докладѣ по бюджету 1911 года....

Статья г. Тувиля, долгое время наблюдавшаго въ Турціи жизнь арміи, очерчиваетъ въ невыгодномъ свѣтѣ работу германскихъ инструкторовъ. Письма турецкихъ офицеровъ, командированныхъ въ германскую армію, заключали часто жалобы на германскіе методы обученія и содержали критическіе отзывы о германскихъ офицерахъ. Германскому посланнику въ Константинополь приходилось непрерывно бороться съ заявленіями турецкихъ офицеровъ, наносившими удары престижу германской арміи и болѣе одобрявшими французскіе порядки. Нѣмецкіе инструкторы въ турецкой арміи наткнулись на сопротивленіе офицеровъ, находившихъ ихъ способъ обращенія съ солдатами слишкомъ грубымъ. Такъ, Имгофъ-пашѣ, главному инструктору турецкой артилеріи, и двумъ молодымъ офицерамъ, оскорбившимъ при исполненіи служебныхъ обязанностей турецкихъ

офицеровъ, учившихся у нихъ, пришлось вернуться въ Германію. Самъ фонъ деръ Гольцъ наткнулся на оппозицію и открыто заявилъ въ дипломатическомъ салонѣ, что онъ не узнаетъ болѣе старыхъ учениковъ, послушныхъ его голосу и внимательныхъ къ совѣтамъ.

Если вѣрить французскому автору, то главное стремленіе реформаторовъ турецкой арміи было направлено къ полученію заказовъ на армію германской промышленностью. Автомобили—грузовозы, тяжелыя четырехколесныя лазаретныя линейки, прожекторы, и многія другія произведенія современной техники, имѣвшія совершенно второстепенное значеніе на бездорожномъ Фракійскомъ и Македонскомъ театрахъ борьбы, были навязаны туркамъ, вмѣсто коренной реорганизациі ихъ арміи. Въ разрѣзъ мнѣнію всѣхъ германскихъ инструкторовъ, Турція рѣшилась заказать горную артилерію во Франціи, у Крезо, и это обстоятельство вызвало угрозу германскаго императора, что онъ воспретитъ прикомандированіе турецкихъ офицеровъ къ германской арміи.

Если нѣмецкіе офицеры, находившіеся въ турецкой арміи (напримѣръ, Хохвехтеръ въ своемъ трудѣ—«Въ огнѣ съ турками»), поютъ панегирики проводнику германскаго вліянія, Мухтару-пашѣ, сыну великаго визиря, командовавшему III корпусомъ подъ Киркилисе и Бунарь-Гиссаромъ, то Шерифъ-паша считаетъ его важнѣйшимъ дезорганизаторомъ турецкой арміи. Размышленія его о войнѣ напечатаны въ «Мешерутъенѣ», франко-турецкомъ журналѣ.

12 офицеровъ на баталіонъ недостаточно. Бой ведется лежа, и самый опытный офицеръ въ стрѣлковой цѣпи не сумѣетъ распространить свое вліяніе больше, чѣмъ на 30—40 солдатъ. Если въ ротѣ нѣтъ на лицо 4 офицеровъ, то 60—80 солдатъ не имѣютъ въ бою офицера-руководителя, и это сейчасъ же сказывается...

Турецкіе офицеры, почти всѣ франкъ-массоны и члены комитета «Единеніе и Прогрессъ», оскорбляли подчасъ религиозное чувство солдатъ. Нижніе чины, покорные исламу, были скандализованы видомъ офицеровъ, принимавшихъ алкоголь—за стаканами «раки».

«Revue militaire générale» помѣщаетъ начало обширнаго изслѣдованія о сраженіи на р. Шахъ подполковника Буцэ, характеризующаго эту операцію, какъ «наступленіе—оборону». Генераль де-Лакруа въ предисловіи отмѣчаетъ, что такъ, дѣйствительно, можно опредѣлить робкое наступленіе русскихъ, приведшее къ разброскѣ усилій, къ безсвязнымъ дѣйствіямъ, къ ошибочному представленію о маневрѣ, что и привело къ отрицательному результату.

Французскіе историческіе труды, къ сожалѣнію, печатаются съ большимъ запозданіемъ; такъ настоящая работа ожидала очереди свыше двухъ лѣтъ. Авторъ ея 18 мѣсяцевъ провелъ въ Манчжуріи съ русскими войсками, переболѣлъ сердцемъ при каждомъ отступленіи, въ Мукденскомъ погромѣ отчетливо разсмотрѣлъ призракъ будущаго натиска Германіи на Францію—Мароккескихъ осложненій. Неудачи русскихъ онъ считаетъ неудачами и французовъ, и потому проситъ снисхожденія у русскаго читателя, которому попадутся написанныя имъ строки, если въ нихъ окажется нѣсколько слишкомъ живыхъ выраженій.

Мы будемъ слѣдить за его статьями, но выскажемся нѣсколько позже.

А. Свѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1913 г. Февраль.

По итальянскимъ официальнымъ «Общимъ правиламъ употребленія крупныхъ боевыхъ единицъ» и «Правиламъ веденія боя» полевая артилерія должна поддерживать дѣйствія пѣхоты во всѣхъ ихъ фазисахъ, соображая съ таковыми и подчиняя имъ собственныя дѣйствія. При этомъ: тяжелыя гаубицы поражаютъ войска, находящіяся, какъ на ближнихъ, такъ и на дальнихъ дистанціяхъ, и расположенныя позади закрытій или въ складкахъ мѣстности; обстрѣливаютъ укрытія и зданія, приведенныя въ оборонительное состояніе; въ послѣдней фазѣ боя, когда атакующая пѣхота сойдется съ пѣхотою обороняющагося на близкое разстояніе, пользуются крутизною своей траекторіи для содѣйствія пѣхотѣ до послѣднихъ предѣловъ возможности. Тяжелыя пушки поражаютъ легкую артилерію непріятели и тѣмъ облегчаютъ дѣйствія собственной легкой артилеріи; поражаютъ войска на дальнихъ разстояніяхъ; разрушаютъ прикрытія большого сопротивленія. Легкія пушки поражаютъ живыя цѣли, какъ открытыя, такъ и находящіяся позади слабыхъ или недостаточно высокихъ закрытій; эти же пушки наиболѣе пригодны для слѣдованія за пѣхотою во всѣхъ фазисахъ боя.

Преднославъ эти официальныя указанія, капитанъ Roberts de Genago, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Полевыя легкія гаубицы и тяжелыя пушки», говорить:

Выясняя свойства тяжелыхъ орудій полевой артилеріи, названныя Правила указываютъ, что изъ числа ихъ только гаубицы могутъ продолжать стрѣльбу во время послѣдней фазы боя безъ вреда своей пѣхотѣ; пушки же, обладающія пологою траекторіею, должны

прекращать стрѣльбу заблаговременно и лишены потому возможности оказывать пѣхотѣ эту драгоценную помощь. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что для возможности содѣйствія пѣхотѣ во всѣхъ фазисахъ боя легкая полевая артилерія должна имѣть не однѣ только пушки, но также и гаубицы. Разница въ вѣсѣ между полевой пушкою и полевой гаубицею легкой артилеріи совершенно ничтожна, и послѣдняя имѣетъ полную возможность не только содѣйствовать операціямъ пѣхоты, какъ выше изложено, но также и слѣдовать за нею всюду, подобно легкой полевой пушкѣ. Изъ сравненія 75-миллиметровой пушки съ 105-миллиметровою гаубицею видно, что гаубица имѣя всего лишь около 200 килограммъ лишняго вѣса, обладаетъ, сверхъ крутой траекторіи полета снаряда, также большею дальностью и дѣйствительностью стрѣльбы.

На тяжелую полевую пушку возлагается Правилами поражение легкой артилеріи непріятели и облегченіе тѣмъ операцій своей легкой артилеріи, но выполненіе такой задачи весьма затрудняется многими причинами. Число такихъ пушекъ невелико, и распоряжаются ими начальники артилеріи крупныхъ единицъ, а потому прибытіе ихъ къ мѣстамъ назначенія можетъ часто замедлиться въ ущербъ успѣху операціи. Орудійные щиты получили нынѣ широкое распространеніе, а опыты, производившіеся въ нѣкоторыхъ арміяхъ, убѣждаютъ, что стрѣльба по такимъ щитамъ гранатою возможна далеко не во всѣхъ случаяхъ. Сравнивая 120-миллиметровую тяжелую полевую пушку съ 105-миллиметровою легкой гаубицею въ отношеніи дальности стрѣльбы, вѣса снарядовъ, вѣса шрапнельныхъ пуль и числа ихъ, свойства траекторій, нельзя не придти къ общему выводу въ пользу гаубицы. На полигонныхъ опытахъ шрапнель такой гаубицы поражала поставленные позади щитовъ болванки при стрѣльбѣ съ 6.000 метровъ даже при употребленіи выгнутыхъ щитовъ, а при стрѣльбѣ съ разстоянія отъ 4.000 до 5.000 метровъ число пораженныхъ болванокъ составило 87⁰/₁₀₀.

Войска, не производящія стрѣльбы, пользуются для укрытія всѣми подходящими мѣстными предметами. При незначительномъ протяженіи послѣднихъ, значеніе ихъ можетъ быть иногда парализовано надлежащими маневрами или удлиненіемъ фронта, но если непріятель укрывается позади длинныхъ горныхъ хребтовъ, плотинъ и т. п. или же хорошо укрытъ въ траншеяхъ, то является необходимою стрѣльба по крутой траекторіи. Въ виду же того, что очень мѣткая стрѣльба въ полевомъ бою не всегда достижима, приходится возмѣщать недостатокъ мѣткости увеличеніемъ числа выстрѣловъ, а это послѣднее болѣе исполнимо для легкой мортиры, нежели для тяжелой, имѣющей меньшее количество боевыхъ припасовъ. Офіціальныя итальянскія Правила также обращаютъ вниманіе на малое количе-

ство боевыхъ припасовъ тяжелыхъ полевыхъ орудій и трудность снабженія ихъ и указываютъ, какъ общее правило, что тяжелую полевую артилерію выгоднѣе обращать противъ артилеріи непріятеля, а легкую противъ его пѣхоты. Если полевая легкая артилерія состоитъ только изъ пушекъ, то ей часто приходится выжидать для стрѣльбы случаевъ, когда непріятельскія войска откроются, и затѣмъ рассчитывать на достоинство матеріальной части и искусство личного состава.

Кромѣ солидныхъ укрытій въ особо важныхъ пунктахъ, служащихъ для опоры маневрирующихъ войскъ, инженерными войсками устраиваются на поляхъ сраженій укрытія поспѣшнаго характера, прикрывающія головы стрѣлковъ отъ пораженія сверху и обезпечивающія имъ спокойствіе духа, необходимое для мѣткой стрѣльбы. Обстрѣливаніе этихъ послѣднихъ укрытій, получающихъ иногда очень большое развитіе, тяжелыми гаубицами повело бы къ напрасной тратѣ тяжелыхъ снарядовъ и отвлекло бы таковыя гаубицы отъ болѣе соответственныхъ имъ цѣлей. Легкія гаубицы калибромъ отъ 10 до 12 сантиметровъ, обильно снабженныя боевыми припасами, могутъ гуть принести наибольшую пользу.

Неимѣніе въ полевой артилеріи легкихъ гаубицъ составляетъ такой капитальный пробѣлъ, что нѣтъ по вопросу вооруженія ни одного современнаго серьезнаго трактата, который бы на немъ не останавливался и не признавалъ его крайне прискорбнымъ. По причинамъ, выше достаточно выясненнымъ, не можетъ этотъ пробѣлъ быть заполненъ и тяжелыми гаубицами, которыя слѣдуютъ, къ тому же, обыкновенно въ хвостѣ колоннъ, что не даетъ начальнику отряда увѣренности въ ихъ содѣйствіи пѣхотѣ тамъ, гдѣ необходима стрѣльба по крутой траекторіи.

По мѣрѣ того, какъ непріятельскій ружейный огонь приобретаетъ первенствующее значеніе и становится главнымъ препятствіемъ наступленію, артилерійскій огонь атакующаго переносится на пѣхоту непріятеля, какъ на главную цѣль; этотъ огонь доводится, затѣмъ, по мѣрѣ сближенія съ непріателемъ, до высшей степени напряженія, хотя бы батареямъ атакующаго приходилось для этого придвинуться къ непріятелю на близкія разстоянія. Въ теченіе всего этого времени, а въ особенности въ рѣшительный періодъ атаки, легкія гаубицы будутъ, по вышевыясненнымъ причинамъ, полезнѣе тяжелыхъ. Тяжелыя пушки обратятъ свой огонь на батареи непріятеля, сохранившія еще возможность вредить атакующей пѣхотѣ, хотя та же задача можетъ быть вполне удовлетворительно выполнена тяжелыми и легкими гаубицами при стрѣльбѣ по болѣе пологимъ траекторіямъ. При уснѣхѣ атаки, какъ и при ея неудачѣ, многочисленныя и подвижныя батареи легкихъ гаубицъ принесутъ больше

пользы, нежели небольшое число тяжелыхъ пушекъ. Пользуясь своею подвижностью, гаубицы быстро займутъ отвоеванныя позиціи и, обстрѣливая впереди лежащія закрытія и складки мѣстности, весьма затруднятъ непріятелю контръ-атаки.

При атакѣ непріятельскихъ позицій тяжелымъ полевымъ пушкамъ могутъ представиться цѣли съ самаго начала, но трудность снабженія ихъ боевыми припасами заставляеть и тутъ очень беречь послѣдніе, между тѣмъ какъ для атаки выгодно держать обороняющіяся войска въ состояніи постоянного нравственнаго напряженія и вести для того непрерывную энергичную стрѣльбу. Кромѣ того, и значительное удаленіе тяжелыхъ пушечныхъ батарей отъ своей пѣхоты представляетъ невыгоду въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ пѣхота, не видя ни батарей, ни результатовъ ихъ стрѣльбы, можетъ счесть себя лишенною содѣйствія артилеріи. Является, наконецъ, необходимость въ обстрѣливаніи укрытыхъ батарей обороны. По всѣмъ этимъ причинамъ преобладаніе въ числѣ орудій, обстрѣливающихся позицію, должно принадлежать не пушкамъ, а гаубицамъ.

При оборонѣ позицій всѣ роды орудій полевой артилеріи могутъ найти примѣненіе. Пушки могутъ съ большимъ успѣхомъ обстрѣливать непріятельскія батареи, занявшія позиціи, а гаубицы принесутъ большую пользу при пораженіи непріятельской артилеріи, находящейся въ движеніи, а также обозовъ и складовъ боевыхъ припасовъ. Тамъ, гдѣ требуется подвижность и большое число выстрѣловъ, особо полезны будутъ легкія гаубицы; онѣ же принесутъ большую пользу, обстрѣливая складки мѣстности и другія прикрытія, которыми будетъ пользоваться атакующій. Стоя на вооруженіи укрытыхъ батарей, онѣ могутъ спасти позицію и привести къ неудачѣ самую блестящую атаку противника.

Въ заключеніе авторъ высказывается за совершенную необходимость въ полевой артилеріи легкой гаубицы и признаеть, что при наличности въ этой артилеріи легкой пушки и тяжелой гаубицы введеніе легкой гаубицы несравненно нужнѣе введенія тяжелой пушки.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Грудь или стѣна» капитанъ Ferlito Bonassossi приводитъ слова Галилея изъ его трактата по фортификаціи 1593 года: «Всѣ эти мѣры могутъ только продлить агонію, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при надлежащей настойчивости вепріятеля онъ все же овладѣетъ крѣпостью». Далѣе авторъ даетъ длинный рядъ примѣровъ, подтверждающихъ преимущество атаки надъ обороною, какъ въ сухопутныхъ, такъ и въ морскихъ операціяхъ, и затѣмъ высказываетъ:

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что для того, чтобы остановить полетъ орла или ястреба, выгоднѣе пользоваться ружьемъ, нежели сѣтью, а соотвѣтственно тому и ассигнуемые кредиты слѣдуетъ рас-

ходовать на усовершенствованіе вооруженія и усиленіе активныхъ средствъ борьбы. Сверхъ денежной стоимости и значительнаго времени, потребнаго на ихъ сооруженіе, форты страдаютъ еще тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что они становятся устарѣвшими раньше ихъ окончанія. По мѣрѣ увеличенія силы и размѣровъ, крѣпости нуждаются все въ болѣе многочисленныхъ гарнизонахъ, а крѣпости, какъ Парижъ или Бухарестъ, требуютъ для обороны такихъ количествъ войскъ, которыя и безъ фортификаціонныхъ сооруженій могутъ дать отпоръ непріятелю. При прежнихъ малочисленныхъ арміяхъ, малыхъ территорияхъ, скудныхъ путяхъ сообщенія, укрѣпленія могли прикрывать операціонныя базы арміи, теперь же они не могутъ выполнить и этой задачи. Исторія даетъ множество примѣровъ, когда крѣпости подчиняли себѣ операціи армій въ полѣ, искажали планъ дѣйствій и вредно дѣйствовали на духъ войскъ.

Изъ числа невыгодъ, присущихъ крѣпостямъ, авторъ останавливается на нижеслѣдующихъ: снабженіе крѣпостей гарнизонами идетъ въ ущербъ силѣ полевыхъ армій; гарнизоны не могутъ двинуться на встрѣчу непріятелю съ цѣлью атаковать послѣдняго, а потому не могутъ одержать побѣды. Многія изъ нужныхъ непріятелю свѣдѣній о крѣпости легко имъ собираются заблаговременно. Опредѣляютъ въ нѣкоторой части планъ кампаніи и тѣмъ выдаютъ его непріятелю. Дорого стоятъ. Служатъ ловушками арміямъ. Лѣсныя заросли и другіе мѣстные предметы передъ крѣпостями облегчаютъ операціи непріятели. Крѣпости могутъ быть непріателемъ обойдены. Въмѣсто служебнаго онѣ получаютъ иногда самостоятельное значеніе и стѣсняють дѣйствія армій. Крѣпости располагаются по необходимости въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы, и часть территоріи уступается такимъ путемъ непріятелю съ самаго начала войны.

Кромѣ того помѣщены въ обзорѣваемомъ выпускѣ статьи:

Капитана Giacomo Carpentieri подъ заглавіемъ «Кавказъ».

«Дисциплинарныя наказанія въ японской арміи».

Капитана Emanuele Niccolini, «Завоеваніе Египта англичанами».

Полковника Eugenio Caputo, «Описаніе итальянскихъ геодезическихъ и топографическихъ работъ въ Ливіи».

Окончена статья поручика Francesco Stroppa.

Помѣщено продолженіе статьи капитана A. Bindi.

В. Н.

